

Умейте слушать...

Говорят, что дирижирование — это профессия долгожителей. Конечно, как во всяком правиле, здесь бывают и исключения, но в случае с художественным руководителем и главным дирижером Академического симфонического оркестра Новосибирской филармонии Арнольдом КАЦЕМ цифры говорят сами за себя. В этом году оркестр отмечает свое 50-летие, и ровно столько же бессменно руководит им А.Кац — отец-основатель коллектива. За эти годы известность Новосибирского оркестра шагнула далеко за пределы Сибири, а его главный дирижер с почетом встречаем в лучших оркестрах мира. На недавнем выступлении в Москве в Колонном зале Дома союзов в рамках Международного фестиваля симфонических оркестров мира музыканты вновь подтвердили свое реноме.

— Вы окончили Ленинградскую консерваторию как скрипач. Что заставило вас сменить смычок на дирижерскую палочку?

— Первый такой «опыт» произошел еще в Центральной музыкальной школе при Московской консерватории на репетиции школьного оркестра, который вел прекрасный педагог профессор Тэриан. Он предложил нам, ученикам, кто захочет, продирижировать первую часть «Маленькой ночной серенады» Моцарта, что я и сделал, и ощутил нечто такое... Тэриан вдруг сказал: «Послушай, мальчик, а у тебя кое-что получается!». После этого урока я периодически вспоминаю тот первый опыт. Вероятно, подсудно у меня, наконец, возникла твердая мысль стать дирижером. В какой-то степени в этом «виновата» моя мама, скрипачка Госоркестра, которая говорила мне: «Я бы хотела, чтобы ты стал дирижером, а не терпел всю жизнь палочку «наездника».

— А как начиналась ваша дирижерская карьера?

— После года преподавания в Ленинградской консерватории я уехал в Северную Осетию, в оперный ансамбль. Потом был Томск, где я в какой-то мере попробовал себя в качестве основателя оркестра. Там существовал некий коллектив, но был совершенно профессионально непригодный. Я набрал новых музыкантов, начал репетировать, и через полгода мы дали первый концерт. Решив показать, на что способен оркестр, я задумал такой номер: оркестр в начале программы без дирижера начинает играть увертюру к «Руслану и Людмиле» Глинки, а я появляюсь на сцене только в конце сочинения. На следующий день после громкого успеха меня вызвали в обком партии и сказали: «Что же вы, Арнольд Михайлович, так плохо себя ведете? Вчера написались и опоздали на концерт?» Я в гневе воскликнул: «Это я написал?!» И стукнул кулаком по столу. А тогда писали чернилами, и чернильница, вздрогнув, облила костюм секретаря по идеологии, устроившего мне разнос. Спустя годы, когда я уже давно работал в Новосибирске, приехал этот чиновник и, увидев меня, спросил: «Вы помните чернильницу?» — «Конечно». — «И я навсегда запомнил!»

— Вы 50 лет руководите Новосибирским симфоническим оркестром. Как произошло становление этого коллектива?

— Когда я приехал в Новосибирск, то там ничего не было. Филармония ютилась на первом этаже двухэтажного деревянного дома, не существовало никаких коллективов, кроме лектория, и концертная жизнь осуществлялась за счет гастролеров. С

первых шагов я обнаружил, что ничего не понимаю в административном руководстве, так что пришлось учиться бухгалтерскому учету, узнавать, что такое средний фонд заработной платы, что такое дотация, как она распределяется и многое другое.

Директору филармонии я поставил жесткие условия: полная самостоятельность оркестра, никакого вмешательства в мою художественную политику. Кроме того, оркестр получает отдельную дотацию, размеры которой строго соблюдаются. Благодаря этому, оркестр совершенно независим и процветает.

— То есть вы придерживаетесь принципа неограниченной диктатуры главного дирижера?

— Да, это так. Правильность такого подхода подтвердило время.

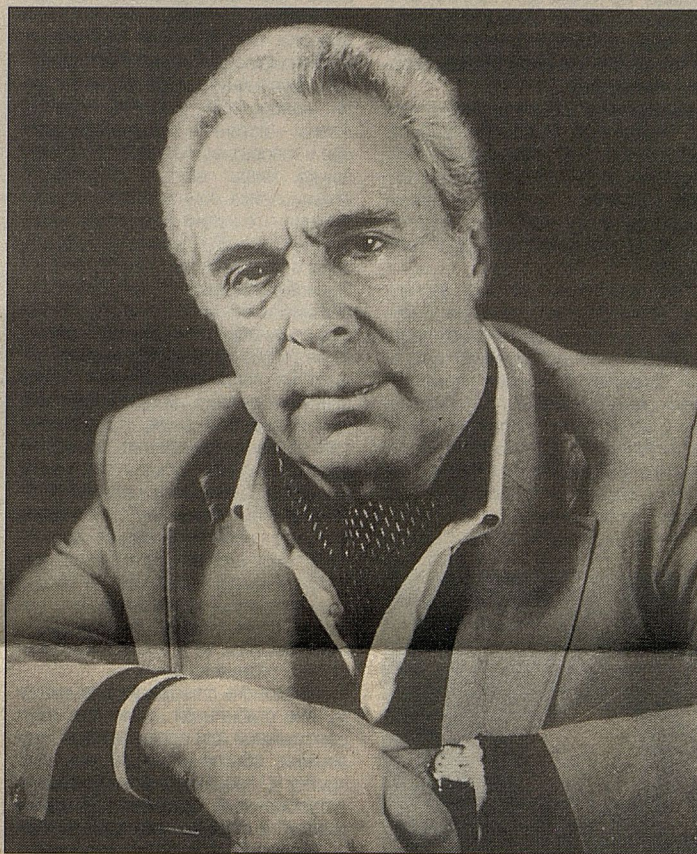
— Известно, что ваш оркестр обеспечен в материальном плане так, как не всякий столичный коллектив. Наверное, добиться этого было нелегко?

— Теперешний губернатор Виктор Толоконский — чрезвычайно интеллигентный человек, понимающий значение культуры. Я сумел убедить его, что наш оркестр — единственный в своем роде в Новосибирске и заслуживает особого отношения.

— Выступления оркестра пользуются огромной популярностью в Новосибирске. Вы что-то предпринимали, чтобы привлечь интерес слушателей к классике?

— Конечно. Вначале никто к нам не ходил, были пустые залы. Я ездил по институтам, держал речи, нашел поддержку в Академгородке. Помню, был такой случай: мы приехали туда на концерт, а зал — полупустой. Я обратился к людям и стал стыдить их: «Как же так, я ожидал встретить здесь интеллигентных людей, у которых существует духовная жизнь, а не только цифры. У вас есть дети, а вы не приобщаете их к прекрасному искусству! Хочу предупредить: если в следующий раз зал опять будет пустым, то играть мы не станем». Был дикий скандал, но ходить стали.

Кроме того, я разработал особую систему, когда в абонементе — сразу 18 концертов. Так намного легче продавать и выгодно в финансовом плане. Недавно мы ввели специальный абонемент для педагогов и учащихся музыкальных школ и лицеев, где играем репертуар, приближенный к учебной программе, а также некоторые сочинения «на вырост». Эти концерты частично субсидирует мэрия. В общем, сейчас на концертах аншлаги, «аблоку негде упасть». Но успокоенности у меня нет. Я был в нашем Департаменте культуры и выразил свою озабоченность тем фактом, что не

А.Кац

вижу новых лиц в зале: аудиторию надо постоянно расширять, иначе вскоре последует спад.

— Новосибирский оркестр под вашим руководством дал жизнь многим современным произведениям российских композиторов.

— Концепция абонементов с самого начала базировалась на следующем принципе: острое влияние современных опусов и лучшего из классики. Кроме того, не забывайте, что при советской власти существовала официальная директива — 50 процентов репертуара должна была занимать русская и советская музыка. Это жестко контролировалось. Приходилось, конечно, выкручиваться, чтобы не играть заведомо плохих сочинений. Мы исполняли сочинения представителей новосибирской композиторской школы, очень сильной и интересной, также — Альфреда Шнитке, Софии Губайдулину, Бориса Тищенко, Андрея Петрова и других. Продолжаем пропагандировать музыку наших дней и сейчас.

— В этом году весь мир празднует 100-летие со дня рождения Дмитрия Шостаковича. Ваш оркестр и вы особенно часто играете его произведения.

— Действительно, Шостакович в моей творческой жизни занял важное место. Свою дирижерскую карьеру я начал именно с его произведения: первая симфония, которую я продирижировал, — Десятая симфония Шостаковича. Я был вторым, после Кондрашина, кто сыграл в СССР Тринадцатую. В то время на ее исполнение существовал негласный запрет. Я рискнул это сделать: тогда в Новосибирск приезжал хор Александра Юрлова, был на концерте и Дмитрий Дмитриевич. После исполнения,

прошедшего с огромным успехом в зале оперного театра, кто-то из девятого ряда партера крикнул: «Спасибо Кацу и Юрлову за смелость». Все партийное руководство, сидевшее в правительственной ложе, встало и покинуло зал. На следующее утро я пришел в филармонию, а там — заседание партбюро, как оказалось, по Тринадцатой симфонии. Секретарша меня пыталась не пропустить, но я, не обращая внимания, зашел в кабинет и сказал: «Думаете, я пришел писать заявление об уходе? Нет!». И послал их... Была немая сцена, и несколько дней я ходил героем. Потом меня вызвали в обком партии: разговор внешне был доброжелательный, но документы на почетное звание они тогда отозвали. А Новосибирск после концерта бурлил, университетская молодежь разделилась на два лагеря, дошло дело до драк и исключений.

— Вы много лет отдали педагогике, возглавляя дирижерский класс в Новосибирской консерватории.

— В моих мечтах симфонический оркестр и консерватория должны были представлять единый организм. Так и было на протяжении почти 40 лет. Консерватория начала формироваться в 1957 году, спустя год после создания оркестра. Я сразу пришел к тогдашнему ректору и предложил приглашать в Новосибирск играющих педагогов, которые смогли бы параллельно работать в оркестре. Это выгодно и с материальной, и с художественной точек зрения. Сам я также начал преподавать, активно взявшись за студенческий оркестр, так как свою главную задачу видел в том, чтобы основу симфонического оркестра составляли местные кадры,

выпускники консерватории. Сегодня эта задача выполнена, и подавляющее число оркестрантов — представители новосибирской школы. Например, скрипачи — все ученики блестящего педагога Матвея Либермана, ныне живущего в Израиле.

— Кроме студенческого оркестра, вы вырастили плеяду дирижеров, которые с успехом работают как в России, так и за рубежом.

— Да, у меня много учеников — Василий Синайский, Марк Горенштейн, Дмитрий Орлов. Вольдемар Нельсон, ныне живущий в Германии и дирижирующий по всему миру. В регионах возглавляют оркестры мои ученики: Артем Маркин (Владимир), Павел Герштейн (Кострома), Александр Юдасин (Красноярск), Евгений Волынский (Иркутск), много лет проработал в Омске Евгений Шестаков... Так что мне есть кем гордиться.

— Что бы вы посоветовали молодым дирижерам?

— Илья Мусин, у которого я учился, говорил нам: умеете слушать. Я, благодаря Богу, различаю тембры практически всех инструментов, даже в самом громком tutti. Если я говорю себе: надо обратить внимание на го-боистов, я их немедленно слышу. Кроме того, я твердо уверен, что репетиционный процесс — это чистой воды педагогика. Я все разъясняю оркестрантам, приучаю их слушать друг друга, знать партии других групп. Мы также много работаем над интонацией, звукоизвлечением. Всем этим я занимаюсь ежедневно на протяжении десятилетий.

— Оркестр постоянно гастролирует за границей, получая блестящие отзывы. У вас есть постоянные менеджеры на Западе?

— Конечно. Но сейчас ситуация с зарубежными гастроллями не простая. Дело в том, что раньше государство, регулируя зарубежные выезды, следило за уровнем музыкантов, которые представляли Россию на Западе. Теперь практически любой оркестр, имея деньги, может выехать за границу, поскольку импресарио, в конечном счете, мало интересуется, насколько оркестр хорош или плох. Платят они мало: ведь теперь столько коллективов, что если один откажется, то всегда поедет какой-нибудь другой. Так что выбор гастроллей сегодня связан с компромиссом. Но я сознательно на это иду, понимая, что это необходимо для творческого роста оркестра, для его репутации.

— Где вас ждут в будущих сезонах?

— В планах — выступления во Франции в 2007 году. А в 2008 году, кроме запланированного тура в Германию, мы ведем переговоры о гастролях в США. Что касается России, сегодня, кроме Москвы и Петербурга, мы нигде не выступаем. Почему? Причины все те же — отсутствие государственной системы финансирования. Вот организаторы Фестиваля симфонических оркестров мира, в котором мы недавно приняли участие, сделали нам официальное предложение приехать в Москву в следующем году. Это очень приятно, и надеюсь, что эти планы осуществятся.

Беседу вела
Евгения КРИВИЦКАЯ

Кац Арнольд

29.07.06